

Чапаева Любовь Георгиевна

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ СВОЙ ~ ЧУЖОЙ В СПОРАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. О ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЯХ

В статье рассматривается семантическая история понятий литература и словесность в первой половине XIX века в их синонимно-антонимических отношениях. В исследовании лингвистическая проблема рассматривается на фоне идеологических и культурологических споров между западниками и славянофилами, которые влияют на значение и узус понятий. В целом отрицательно относясь к заимствованиям, славянофилы отдают предпочтение термину "словесность".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/4-1/49.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 1. С. 161-164. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ON THE PHONETIC VARIANTS AND SEMANTIC-STYLISTIC PECULIARITIES OF THE USAGE OF THE AFFIX –*LAP* IN THE TURKIC LANGUAGES

Fattakhova Ruzilya Ferdavisovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Giniyatullina Liliya Minnullovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Aidarova Svetlana Khanipovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
faruzilya@mail.ru; gin_liluk@mail.ru; aydarova-sh@rambler.ru

The article is devoted to the comparative study of the peculiarities of usage of the affix –*lap* in the Turkic languages, denoting plurality. It also observes the multivariance of the above mentioned affix. It should be emphasized that in some modern Turkic languages its phonetic variants number from 2 to 16. In the Turkic languages their general number comes to 22. A large amount of meanings of a plural number is described in the grammatics of the Turkic languages. The quantity of these meanings reaches 13.

Key words and phrases: the Turkic languages; the Tatar language; phonetic variations; functional and semantic peculiarities; plurality.

УДК 811.161.1

В статье рассматривается семантическая история понятий литература и словесность в первой половине XIX века в их синонимно-антонимических отношениях. В исследовании лингвистическая проблема рассматривается на фоне идеологических и культурологических споров между западниками и славянофилами, которые влияют на значение и узус понятий. В целом отрицательно относясь к заимствованиям, славянофилы отдают предпочтение термину «словесность».

Ключевые слова фразы: словесность; литература; художественная литература; свой ~ чужой; идеологические споры

Чапаева Любовь Георгиевна, д. филол. н., доцент
Московский педагогический государственный университет
lg4@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ *СВОЙ* ~ *ЧУЖОЙ* В СПОРАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. О ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЯХ

В первой половине XIX в., а особенно в период 1830-1840-х гг., когда споры о русской культуре, литературе, языке приняли идеологический характер, идет процесс семантизации и многих филологических, литературоведческих, стилистических понятий и терминов. В одной из статей автора речь уже шла о таких понятиях, как *стиль* и *слог*, имеющих давнюю историю в русской филологической науке [20]. Предметом настоящего исследования стали *словесность* и *литература*.

Онтологически присущий русской культуре дуализм [10] реализуется в бинарных культурологических оппозициях, как общего, так и частного характера. Базовой для идеологического дискурса является ментальная оппозиция *свое* ~ *чужое* (*свой* / *чужой*), она лежит в основе формирования оценочного компонента значения важнейших лингвоидеологем, которые выполняют роль особых знаков, символов или паролей принадлежности к той или иной общественной, идейной, литературной группе, так как «живая предметная сущность вещей и понятий часто отражается в слове не непосредственно, не прямо, а через призму их идеологии, мифологии, создавая своеобразный риторический покров действительности» [4, с. 349]. Кроме того, принятие или непринятие иноязычного слова оказывается связанным «с общими концептуальными установками носителей языка. Понятно, что часть языкового коллектива, настроенная против западного влияния, в целом отрицательно относится и к иноязычным заимствованиям» [15, с. 260]. Другими словами, идеологические факторы мотивируют употребление заимствований.

В спорах об отдельных лексемах с очевидностью обнаруживается идеологический уровень противопоставления *своего* и *чужого*, *родного* и *иноязычного*. Отторжение того или иного заимствования обуславливается не столько семантикой и стилистикой слова, сколько его принадлежностью к лексикону иного идеологического лагеря. А поскольку прямые иноязычные заимствования свойственны, скорее, западникам (во всем спектре), то их лингвистическими противниками оказываются и славянофилы, и сторонники официальной народности, и люди, далекие от идеологических споров, но придерживающиеся пуристических взглядов.

«Историко-генетическая точка зрения, подчеркивавшая прежде всего значение установившейся традиции, настойчиво сменялась точкой зрения актуальной, исходящей из нужд живого языкового употребления» [16, с. 30]. Таким образом, основным критерием отбора лексики в литературном языке остается критерий узуса, или употребления, выдвинутый в свое время Карамзиным и поддержанный филологами середины века: «Какие речения и выражения из церковнославянского, с одной стороны, и из народного языка, с другой, равно и из иностранных языков могут быть допущены, или терпимы ли в языке архаизмы, солечизмы, неологизмы, и где предел возможности нововведений в языке? <...> Употребление должно соглашать такие крайности» [6, с. 458].

Лингвокультурологическая оппозиция *свое* ~ *чужое*, реализованная в генетическом противопоставлении *народного* (русского, исконного) и *заимствованного* (европейского, иноязычного), во многом определявшая

развитие русского языка в первой половине XIX в., нашла отражение и в спорах о филологической терминологии, в частности, о таких понятиях, как *словесность* и *литература*.

По мнению лексикологов, слово *литература* появилось в русском языке в середине XVIII в. М. Фасмер, правда, считает, что слово было заимствовано в XVI в. [18, с. 502] одновременно в нескольких значениях: 'грамотность', 'стихотворство', 'изящные письма', 'письменность' [2; 21, с. 485]. См., в частности Словарь Академии Российской (САР): «Словесность, ти. с. ж. 1) Знание, касающееся до словесных наук. *Силень въ словесности*. 2) Способность говорить, выражать» [13, с. 536]. «Словесные науки» – «Науки, касающиеся до свойства и чистоты языка какаго, въ коихъ заключаются грамматика, витійство и стихотворство» [Там же]. При этом слово *литература* отсутствует. Словарь церковнославянского и русского языка (СЦиРЯ) 1847 г. дает эти понятия как синонимы, присоединяя в синонимический ряд и слово *письменность*: «Литература, ы, с. ж. Тоже что словесность» [14, т. II, с. 236], а *словесность* это: «1) Полный объем словесных наук. 2) Все словесные произведения какого-нибудь народа, совокупно взятыя; литература, а также *письменность*» [Там же, т. IV, с. 149]. Лишь в 30-х гг. XIX в. намечается размежевание понятий, а попытки определить и противопоставить термины приводят к полемике в журналах.

Одним из заметных критиков 30-х гг. XIX в. был Ксенофонт Полевой, который внес значительный вклад в становление филологической терминологии (см., например: [22]). О словесности и литературе критик рассуждает, в частности, в критическом разборе брошюры И. Давыдова «Система российской словесности» 1832 г., которого К. Полевой обвиняет в смешении понятий *словесность* и *литература*, поясняя различия французскими эквивалентами: *Belles Lettres* и *Litterature*, и пытается «развести» эти понятия, справедливо полагая, что «никогда не бывает двух слов для одного понятия» [11, с. 300]. Полевой считает, что под *словесностью* следует понимать не науку, как пишет Давыдов, а «искусство» как «область изящного»: «Словесность есть искусство, и в этом смысле принадлежат к ней только произведения лирические, эпические и драматические» [Там же, с. 311]. Все остальные тексты Полевой предлагает называть *литературою*, или *письменностью*, «к которой могут относиться сочинения всех родов» [Там же, с. 315], т.е. это письменность в широком смысле слова, поскольку слово *литература* соотносится в его высказываниях, прежде всего, со значением «буква» / *litera*.

Такая точка зрения была достаточно распространенной, по крайней мере, в журналах до конца 40-х гг. XIX века в отделе «Словесность» печатаются художественные произведения, а в отделах «Русская литература», «Библиография и хроники» сообщаются сведения о недавно вышедших русских книгах различной тематики. О. И. Сенковский литературой называл «всю массу книг, напечатанных на каком-нибудь языке. <...> Каждая наука имеет свою Литературу» [12, с. 36], подразумевая, по сути дела, библиографию в современном понимании. Под *словесностью* он имел в виду «словесные науки», филологию, а также художественную литературу: «Словесность, или точнее, Изящная словесность, наряду с прочими отраслями знаний, составляет одну только часть общей Литературы языка, и книги, – те, в которых она содержится, и те, которые излагают ее правила и историю, <...> – образуют “Литературу Словесности”» [Там же]. По мнению М. Н. Каткова, близкому дефиниции в САР, к словесности следует отнести «язык, осуществленный в словесных памятниках», т.е. в устных произведениях [9, с. 55], а литературой считать только письменные словесные памятники культурной эпохи. Н. И. Греч, употребляя термины синонимично, но предпочитая словесности, в «Учебной книге русской словесности» предлагал объяснение, в котором явно прослеживаются синонимические отношения между понятиями: «Литературою народа называются все его произведения в изящной словесности, т.е. творения, написанные на языке сего народа, стихами или прозою» [5, с. 92].

Споры о терминах и их значениях нашли отражение не только в специальных критических статьях, но и в беллетристике того времени, игравшей важную роль в репрезентации литературных и идеологических направлений (См. подробнее: [19]). Один из беллетристов в 1838 г. с юмором описывает мучения Поэта по поводу слов *словесность* и *литература*:

«“Мм. Гг., удостоивая меня лестным званием члена, вы раздуваете незаметную искру той способности, которою одарила меня природа. Я не осмеливаюсь считать себя достойным вашего внимания за первый мой опыт на поприще отечественной литературы...”»

На этом слове Поэт приостановился.

– Не будет ли правильнее сказать: на поприще отечественной словесности? – подумал он. – Черт знает! никак не пойму разницы между этими двумя словами!.. Я все думал, что литература, если не совсем то же, то почти то же, что по-русски словесность?

Не постигая еще ухищрений законодательных в словах: *литература*, *изящная литература*, *словесность*, *изящная словесность*, *Litterature* – *belles lettres*, *беллетристика* и т.д., – Поэт шел задумавшись и смотря в землю, вдоль Невского проспекта. Тело его – как конь, неуправляемый дремлющим седоком, сворачивает произвольно в знакомые ворота – своротило в сторону, поднялось по лестнице, вошло в книжную лавку, взяло в руки сырой печатный листок... Глаза пробегают уже по строчкам; но мысли заняты еще исследованием различия между *литературою* и *словесностью*» [3, с. 53].

В. Г. Белинский, уже в первых своих работах, отдавая предпочтение слову *литература* (Е. А. Быстрова отмечает, что в «Литературных мечтаниях» (1834), В. Г. Белинский употребляет 135 раз слово *литература* и только 30 – *словесность* [2, с. 53]), посвятил этой проблеме специальную статью «Общее значение слова *литература*» (1842). Критик пишет, что оба слова необходимы: если они удерживаются в языке, – значит между ними нет полного тождества. При этом «слово *словесный* стало выражать все то, что непосредственно относится к слову, как, например, “словесные науки”, “словесное отделение” [1, с. 768], и под *словесностью* “должно разуметь как язык, так и всю умственную жизнь народа”» [Там же, с. 769]. Белинский определяет это понятие как широкое, поскольку оно включает в себя и письменность, и литературу; он причисляет к словесности

«все произведения ума и фантазии народа, выразившиеся в слове: пословица, поговорка, древняя надпись на камне, народная песня, сказка, художественно созданная поэма или драма, философское сочинение, журнальная статья» [Там же], так как это, по мнению Белинского, входит в сферу общенационального языка.

Позднее В. Г. Белинский пишет, что, «говоря о литературе, мы преимущественно разумеем изящную литературу» [Там же, с. 632], но разграничить понятия *литература* и *словесность* еще достаточно сложно, особенно на фоне развития у этих слов дополнительных значений: «Под литературою разумеется или словесность народа, исторически развившаяся и отражающая в себе народное сознание, или какая-нибудь отрасль словесности, обнимающая собою известную сторону искусства и науки» [Там же, с. 621].

Еще и в словаре В. И. Даля понятие *словесность* трактуется достаточно широко: «Словесные науки; все, что относится к изучению здравого суждения, правильного и изящного выражения; письменность; || общность словесных произведений народа, письменность, литература» [7, т. IV, с. 222], а литература объясняется как синоним слов «словесность, письменность» [Там же, т. II, с. 255]. При известной нелюбви Даля к иноязычным заимствованиям подчиненное положение слова литература объяснимо.

Конкуренция слов *литература* и *словесность* в определенном смысле стала отражением культурологической и идеологической оппозиции: по наблюдениям Е. А. Быстровой термин *литература* на протяжении первой трети XIX в. предпочитают «европейцы», например, Н. М. Карамзин, П. И. Макаров, Д. И. Фонвизин, а *словесность* писатели круга «архаистов»: И. А. Крылов, П. А. Плавильщиков, А. Н. Радищев [2, с. 30-39]. Позднее такое же соотношение прослеживается нами на страницах западных и славянофильских журналов. Например, в полемике 40-х гг. XIX в., вызванной статьей Д. Голохвастова «Голос в защиту русского языка» в «Москвитянине», для «Отечественных записок» и «Современника» более частотным оказывается слово *литература*, а для «Москвитянина» – *словесность*.

Таким образом, лексическое противопоставление отчасти имеет характер лингвоидеологического, входит в структуру лингвистических символов культурной полемики, создавая определенный параллелизм позиций защитников старого слога и славянофилов круга Киреевских – Хомякова – Аксаковых. Обсуждение языковых вопросов той и другой эпох являлось производным от идеологических, эстетических и общекультурных позиций спорящих сторон. Несмотря на то что уровень развития русского литературного языка не создавал опасности «заражения» иноязычным влиянием, сохранение и новое усвоение заимствований, имеющих в русском языке синонимическую пару, воспринимается и архаистами, и славянофилами в целом негативно. Но объективно существующая в языке тенденция к семантической и стилистической дифференциации выразительных средств, развитию точной терминологии приводит к тому, что слова, дублирующие существующие именованья, приживаются в языке. «В сущности, большая часть абстрактной лексики заимствуется в условиях, когда у носителей языка нет настоятельной потребности в номинации какого-либо нового явления или понятия» [8, с. 135].

Понятие *литература* постепенно вытесняет *словесность* при обозначении изящной словесности (*belles-lettres*), т.е. художественной литературы, а *словесность* сохраняет более широкое значение: «Творчество, выражающееся в слове, как устном, так и письменном, словесное творчество. || Совокупность произведений такого творчества» [17, с. 269].

Список литературы

1. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. / под ред. Н. Ф. Бельчикова и др. М.: Изд-во АН СССР, 1953-1959. 1954. Т. V. 863 с.
2. Быстрова Е. А. Из истории русской литературоведческой терминологии первой половины XIX века: дисс. ... к. филол. н. Ашхабад, 1964. 268 с.
3. Вельтман А. Ф. Сердце и думка. Приключение: роман в 4-х ч. / подг. текста, вступ. ст. и прим. В. А. Кошелева и А. В. Чернова. М.: Советская Россия, 1986. 256 с.
4. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. Изд-е 3-е. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.
5. Греч Н. И. Учебная книга русской словесности, или Избранные места из русских писателей в прозе и стихах с приложением правил риторики и пиитики и обозрение истории русской литературы. Изд-е 3-е, испр. и доп. СПб., 1844. Ч. 4. 334 с.
6. Давыдов И. И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный Вторым отделением имп. Академии наук. СПб.: Тип. Акад. наук, 1852. 462 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. Т. II. 779 с.; Т. IV. 683 с.
8. Дiachроническая социоллингвистика: монография / В. М. Алпатов, А. Н. Баскаков и др.; отв. ред. В. К. Журавлев; РАН, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1993. 204 с.
9. Катков М. Н. История древней русской словесности. Сочинения М. Максимовича // Отечественные записки. 1840. Т. IX. С. 37-72.
10. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры // Успенский Б. А. Избранные труды. Изд-е 2-е испр. и перераб. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. II. Язык и культура. С. 411-572.
11. Полевой К. Система российской словесности, составленная профессором И. Давыдовым: рецензия. М., 1832. 41 с. // Московский телеграф. 1833. Ч. 51. № 10. С. 294-316.
12. Сенковский О. И. (Барон Брамбеус) Брамбеус и юная словесность // Библиотека для чтения. СПб.: Издание книгопродавца Александра Смирдина, 1834. Т. III. Отд. 1. С. 33-60.
13. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. I-VI. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1806-1822. (САР). Ч. V. 1822. 575 с.
14. Словарь церковно-славянского и русского языка / сост. II отделением Императорской Академии наук. СПб.: Типография Академии наук, 1847. (СциРЯ). Т. II. 472 с.; Т. IV. 491 с.

15. **Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация** / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки русской культуры, 2003. 568 с.
16. **Сорокин Ю. С.** Развитие словарного состава русского литературного языка: (30-90-х гг. XIX века). М. – Л.: Наука, 1965. 565 с.
17. **Толковый словарь русского языка:** в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ООО «Издательство АСТ», 2000 (1940). Т. IV. 752 с.
18. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1967. Т. II. 671 с.
19. **Чапаева Л. Г.** Беллетристика 1830-1840-х гг. как поле идеологических и лингвистических споров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26). Ч. 1. С. 190-193.
20. **Чапаева Л. Г.** Стилистическая терминология в эпоху 1830-1840-х годов: проблемы дефиниции и дифференциации // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2009. № 2. С. 59-68.
21. **Черных П. Я.** Историко-этимологический словарь русского языка: 13560 слов: в 2-х т. М.: Русский язык, 1993. Т. 1. 623 с.
22. **Яровая А. С.** Николай и Ксенофонт Полевые как деятели литературы и критики 20-30-х гг. XIX в.: дисс. ... к. филол. н. Краснодар, 2001. 160 с.

**THE LINGUOCULTUROLOGICAL OPPOSITION ONE'S OWN ~ SOMEBODY ELSE'S
IN THE DISPUTES ON PHILOLOGICAL NOTIONS IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY**

Chapaeva Lyubov' Georgievna, Doctor in Philology, Associate Professor
Moscow State Pedagogical University
lg4@mail.ru

The article deals with the semantic history of the notions belles-lettres and literature in the first half of the XIX century in their synonymic and antonymous relations. In the research the linguistic problem is considered against the background of ideological and culturological disputes between the Westernizers and the Slavophiles, which affect the meaning and usage of the notions. Having a negative attitude to borrowings in general Slavophiles give preference to the term "literature".

Key words and phrases: literature; belles-lettres; fiction; one's own ~ somebody else's; ideological disputes.

УДК 811.512.211

В статье рассматривается несколько категорий глагольного слово- и формообразования, способных изменять актантную структуру глагольной словоформы, называемых залоговыми формами, в нижнеколымском говоре эвенского языка. Дается анализ морфологических показателей различных форм залога глагола, которые обнаруживают в описываемом говоре определенные особенности.

Ключевые слова и фразы: эвенский язык; нижнеколымский говор; формы залога; действительный; страдательный; средневозвратный; побудительный; взаимная форма залога; совместная форма залога.

Шарина Сардана Ивановна, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
sarshar@mail.ru

ЗАЛОГ В НИЖНЕКОЛЫМСКОМ ГОВОРЕ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

Нижнеколымский говор в существующих классификациях говоров и диалектов эвенского языка как отдельная единица был выделен сравнительно недавно [1, с. 79] и относится к говорам, не имеющим системного описания. Основные особенности данного говора освещались только в нескольких статьях, затрагивавших довольно узкие вопросы [3; 4; 5]. Категория залога глагола в нижнеколымском говоре специально не рассматривалась. Статья написана на основе материала, собранного во время полевых экспедиций в Нижнеколымском районе Республики Саха (Якутия) в 2013-2015 годах.

В описаниях эвенского и других тунгусо-маньчжурских языков принято называть залоговыми формами несколько категорий глагольного слово- и формообразования, способных изменять актантную структуру глагольной словоформы. Обычно на основе морфологических критериев в эвенском языке выделяются формы действительного, страдательного, средневозвратного, побудительного, взаимного и совместного залогов. При ином подходе к описанию грамматики эвенского языка те же формы рассматриваются как особые категории глагольного формообразования в рамках функционально-семантической категории залоговости [2].

В нижнеколымском говоре, впрочем, как и в других говорах и диалектах эвенского языка, наиболее распространенной формой употребления глаголов в речи является действительный залог, который охватывает практически всю глагольную лексику и является исходной для образования других залоговых форм. Примеры: *Дялбу эрэгэр орандула һовнодиттан*. 'Родители мои всегда в оленеводстве работали'. *Гудьэйэ-ке, ноуартан унтоттон эгин манудьын гөми сентябрла истала тачин бивэткэрэчэл ач унтолач*. 'Бедные, они, чтобы сохранили унты, до сентября ходили босиком'. *Тадук би туунан һутэлкэн биһэм, көтлэн нярикакаму туунан классла таттын*. 'Так что я имею пятерых детей, младший сыночек в пятом классе учится'.